DOI: 10.31860/978-5-918680-384-548-553

*А. Ю. Чернов*

## О ГОРБИ
## (история одного автографа и прочие заметки)

Его звали «Минеральный секретарь». Считалось, что за антиалкогольную кампанию середины 80-х. (Только он не был ее инициатором — это лигачевский проект.) Говорят, что прозвище это в узком кругу партийной верхушки пошло раньше: до перевода в Москву Горбачев был ставропольским первым секретарем, и в Минводах (Минеральных Водах!) в неофициальной обстановке принимал всю верхушку Политбюро. Когда в 1996 г. опальный Горбачев выставил свою кандидатуру на пост президента России, питерские власти во главе с Собчаком не допустили его ни на один завод, кроме завода минеральных вод и безалкогольных напитков «Полюстрово». Это был жест унижения, но он поехал. Я тогда был в Питере одним из его доверенных лиц. После того лета мы стали общаться.

А вот слово «генсок» до него не доходило. Услышав его от меня, он на секунду замер, а потом выдал тираду. Она мне так понравилась, что я извлек из сумки папку, а из папки чистый лист. И попросил перенести сказанное на бумагу. Расписаться и поставить число.

— А зачем тебе?

— Так, может, книжку писать стану...

— И ты тоже?.. (Вздохнул.) Ну, давай...

> «Андрей! Ты не прав! Никакой я не ГенСок! Ты — совок, а я, получается, Генсовок! Вот так! М. Горбачев. 21.02.01».

— Опубликовать могу?

— Валяй, если надо.

Автограф передан мною в Рукописный отдел Пушкинского Дома. Пока это единственный горбачевский автограф в собрании ИРЛИ РАН.

* * *

В 96-м мы с режиссером Николаем Беляком стали его доверенными лицами на выборах в президенты России: так вышло, что в Питере все статусные персоны под разными предлогами отказались, ну и уперлось в нас, нестатусных, но желающих помочь ему в безнадежной этой затее. (Юрий Черниченко тогда мне сказал: мол, это все равно, что се-


© Чернов А. Ю., 2023

годня поддерживать Екатерину II.) Но, прежде чем принять его предложение, написали письмо, спросили, мол, сможет ли он сказать, что не собирался демонтировать постройку, но, став генсеком, скоро убедился, что стена грозит обрушиться даже от прикосновения малярной кисти.

Горби позвал нас в Москву, в свой фонд, и поинтересовался: «А вы откуда это знаете?»

Так это ж было видно...

Летом 1996-го, за несколько дней до проигранных им выборов, Горбачев в аэропорту «Пулково» сказал о главном своем политическом сопернике: «Чудище косматое. Ни ума, ни морали. Один звериный инстинкт». Сказал шепотом перед тем, как выйти на взлетное поле.

* * *

Он поставил на свободу. И дал ее. Понимая силу тоталитарной системы, он шел очень осторожно. Делал шаг вперед, когда ситуация позволяла. И зубы заговаривал. И отступал, если аппарат начинал кипеть. И с Сахаровым на съезде тот же случай. Дал ему слово, съезд начал улюлюкать, но Андрей Дмитриевич продолжал говорить. Когда зал накалился до критической массы (не раньше!), Горби отключил микрофон. Но чем дальше, тем движение всё более замедлялось, и он всё чаще отступал. Уход Шеварднадзе и Яковлева был уже бедой. Аппарат пересиливал. Рассчитывал поквитаться с реакционерами в Ново-Огареве. Но грянуло 19 августа. Его уникальность в том, что он был и то, и другое одновременно. Он считал себя ленинцем, но при этом остался честным и совестливым, с неубитой душой человеком из народа. Система проморгала своего могильщика.

* * *

Простоквашино — не только деревня из сказки Эдуарда Успенского, но и названный в честь нее самый дальний микрорайон Питера. Здесь, в ближайшем к Москве ленинградском доме (огромное, как белый корабль, общежитие, которое хорошо видно из поезда Москва — Петербург), проживал некто гражданин Шмонов, член Колпинского народного фронта.

7 ноября 1990 года на Красной площади, во время демонстрации трудящихся (последней при советской власти), он из дальнего ряда, почти от ГУМа, стрелял в Горбачева. Дробью из обреза. (Говорят, одна дробина даже ухитрилась попасть в мавзолей.)

Я работал тогда корреспондентом «Московских новостей» по Ленинграду. Утром 8 ноября ребята из Колпинского народного фронта (а было их всего-то человек двадцать) рассказали мне, что Шмонов куда-то пропал еще полгода назад. И пообещали достать его фотографию. Я спросил, вызвали ли их уже «на беседу»? Они удивленно пожали плечами: «Нет, из органов никто не объявлялся...»

Всё стало ясно и до жути просто.

Я написал заметку «Террорист из Простоквашина». Про то, что теперь Шмонова объявят сумасшедшим и судить, конечно, не будут. А еще опубликовал фотографию (колпинцы не подвели), снятую ровно за год до того выстрела: слесарь Шмонов на колпинской демонстрации несет плакат в поддержку перестройки. Я писал, что Горбачев повторяет ошибку Александра II — медлит и рискует не вписаться в поворот истории.

Через несколько лет я спросил у Горбачева, видел ли он с трибуны эту стрельбу, и услышал:

— Ну, конечно, они так показательно его скрутили... Это они на меня давили, чтобы показать, как они мне нужны.

Я спросил, читал ли он тогда мою заметку в «МН»?

Он удивился:

— Нет, Болдин мне не показал.

До сих пор Михаил Сергеевич считает,[1] что виной всему слишком быстрый темп реформ:

— Надо было идти медленней. Как в Китае...

(А простоквашинский чебурашка из психушки освободился. За распадом Союза. И опять ходит на демократические митинги, где всем желающим раздает брошюру: *Шмонов А. А.* Как и почему я стрелял в главаря тоталитарного государства М. Горбачева. Выпущена в 2001-м. Тираж 30 тысяч экземпляров. Википедия о нем пишет: «Ныне бизнесмен и правозащитник».)

* * *

31 августа 2022 г. украинский полковник, бывший актер, спикер, психолог и т. д. Алексей Арестович в эфире у Фейгина заявил: мол, он, еще шестнадцатилетний, понял, что МС в Форосе «был в сговоре или в полусговоре с гекачепистами».

...Ну да, а инсульт у РМ случился потому, что муж даже ей о своем сговоре с путчистами не рассказал.

Три десятилетия назад тот мальчик был очень наивным. С годами вино наивности превратилось в уксус амбициозной, но рутинной конспирологии, игнорирующей весь расклад информации, начиная с того факта, что через день в Новоогареве должно было состояться подписание нового Союзного договора, а это ставило крест на карьере заговорщиков. И они про то знали.

* * *

Я спрашивал у него, что значили его слова, сказанные журналистам у трапа самолета, на котором он вернулся из Крыма. Слова эти попали в программу «Время»: «Всего я вам всё равно не скажу».

---

[1] Очерк был получен редакцией Ежегодника до кончины М. С. Горбачева. — *Ред.*

— Так я права не имею. Я же носитель гостайны.
— Но поняли-то как «не вашего ума дело!»
Он удивился.

* * *

Странный какой-то имперец. Говорит: «Мол, я отдал Прибалтику, Германию, Чехословакию?.. Так кому я отдал Германию? Немцам и отдал...»

* * *

Однажды он спросил: «А можешь мне Галича достать? А то мне Андропов только Визбора ставил...» В студии «Московские окна» мне скопировали шесть парижских кассет. Через несколько дней в Горбачев-фонде я их передал. Он быстро извлек откуда-то из-под стола свой кейс, раскрыл его и инстинктивно оглянулся за закрытую дверь кабинета. Мне показалось, что мне это показалось. Но через несколько дней в том же кабинете по какому-то поводу он нарочно громко произнес в направлении потолка: «Мы ничего противозаконного не замышляем!..» Он знал, что его слушают.

* * *

Нельзя сказать, что голос масс верхи совсем не слышали. Слышали, но своеобразно. Когда в разговоре о кремлевских похоронах начала 80-х я употребил выражение «гонки на лафетах», он заметил: «У нас в Политбюро говорили “едешь на лисапеде”». В моем стихотворении о мавзолейных старцах обратил внимание на строку «Ветеранов ондатровых лики на заднике данном...» и дал справку: «При мне ондатровых шапок уже не было».

* * *

Когда Ельцин назначил преемника, Горби был в Индии. Вернулся через несколько дней. Первой же его фразой было: «Ну что? Не худший вариант?.. Но ме-е-е-лкий...» Я заспорил: «Стратегическая ошибка. Мелкий на этом месте — это и есть самый худший». Он перевел тему на Ладогу.

* * *

О Берестове и Горбачеве. Когда во время перестройки литфондовское начальство делало все, чтобы дача Чуковского в Переделкине не стала музеем, Валентин Берестов написал письмо Горбачеву. Через несколько дней ему позвонили из ЦК КПСС и сказали, что письмо получено, но есть некоторые сомнения, поскольку родственники Пастернака тоже ходатайствуют о музее. И вообще, почему надо начинать именно с Чуковского? Далее разговор был таким:

— Скажите Михаилу Сергеевичу, что Пастернака в СССР знают все грамотные люди, а Чуковского все грамотные и все неграмотные.

— Как, разве в нашей стране есть неграмотные?

— Ну, конечно, есть. Дети от двух до пяти.

Трубка захрюкала. Берестов понял, что помощник так и доложит генсеку.

Я не проверял, но, судя по результатам этого собеседования, он так и доложил.

Через несколько лет мне повезло познакомить ВБ и МГ. Но про то письмо мы так и не вспомнили.

* * *

Шея — замужняя дама, если верить народному рассуждению про то, что мужчина — голова, а женщина — шея, которая этой головой вертит. М. С. Горбачев однажды заметил нам с Димой Крымовым: «Только частая смена партнеров может помешать шее выполнять ее функцию».

* * *

Однажды он спросил, мол, правда ли летописи подделаны, как это доказывает... ну тот, забыл фамилию... тот академик-математик? И древних актов нет? Я понял, что речь о Фоменко и предложил хоть завтра поехать на Фрунзенскую к Сергею Владимировичу Мироненко. Мол, на территории его архива стоит трехэтажный особняк Архива древних актов. МГ задумался, а я, дурак, сообщил, что все мы становимся дураками, когда переходим порог своей компетенции. «И относится это и к дворнику, и к президенту, и к генеральному секретарю». — «Нет, в генеральному секретарю не относится». — «Почему?» — «А потому что у него полномочия неограниченные».

* * *

А свела нас Старая Ладога. «Русское видео» устраивало прием в честь кандидата в президенты России, и я со стаканом в руках вместо тоста рассказал про Олегову могилу на берегу Волхова. Ну рассказал и рассказал. А когда стали расходиться, в коридоре кто-то набежал сзади и под руку увлек меня вперед (так школьники делают на переменках). И я услышал: «Что, правда тот самый Вещий Олег, про которого у нас в тетрадках было стихотворение на задней обложке?» И он продекламировал: «Как ныне сбирается...» Когда с Сергеем Мировым снимали очередной (второй или третий) фильм о Старой Ладоге, первой русской столице, Горби помогал собирать деньги на финансирование археологической экспедиции Евгения Рябинина и согласился сняться в фильме. И даже надеть большие черные очки ювелира (чтобы в кадре его сразу нельзя было узнать). Рассматривая рябининские

находки, охнул, увидев любшанские пружинные ножницы VIII века: «Я же такими в войну овец стриг!..»

После съемки состоялся такой диалог:

*Миров*: — Ой, спасибо, Михал Сергеевич, как вы здорово нам подыграли!

*М. С. Г.*: — Так ведь сорок лет в театре.

*Мы с Мировым*: — В каком-таком театре?

*М. С. Г.*: — В театре абсурда. В политическом.

* * *

Мой сын Сашка сегодня вспомнил слова, которые МГ сказал ему, школьнику: «Оставаться человеком можно при любых обстоятельствах». Не знаю, было ли это парафразом булатовских строк «...Может, и не станешь победителем, / Но зато умрешь, как человек».